

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 202–212
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 202–212
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-202–212

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И ПОЛИТИКА РАННЕГРЕЧЕСКИХ ТИРАНОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.В. Зайцев

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия*

E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6379-896X

Аннотация. В статье рассматривается проблема смены концепций раннегреческой тирании в отечественной историографии. На основании анализа работ ученых XIX–XX вв. автор приходит к следующим выводам. Первая концепция раннегреческой тирании сформировалась в работах ученых XIX в. и сохраняла научную актуальность до середины XX в. В рамках этой концепции тирания характеризовалась как этап становления греческой демократии. В результате борьбы знати и демоса за политическую власть во главе полиса становится тиран, поддержанный широкими массами населения. Этот тиран проводит серию мероприятий, направленных на развитие ремесла, торговли и поддержку мелкого крестьянства. Падение тирании оценивалось по-разному. В дореволюционной историографии свержение тиранов объясняли их личными качествами. В советских же исследованиях утвердилась точка зрения, согласно которой тираны становятся не нужны демосу после ослабления аристократии. В 1960-е годы начинает формироваться альтернативная концепция. В ней тирания оценивается как результат борьбы аристократических группировок. Политика тирана трактуется как комплекс мероприятий, направленных на легитимацию личной власти. Тирания не отражает интересы демоса, но вынуждена счи-

Данные об авторе: Дмитрий Владимирович Зайцев – младший научный сотрудник РГГУ, старший преподаватель РАНХиГС.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (проект № 19-18-00549), реализуемого в РГГУ.

таться с ними. Этот переход связан с изменениями в мировой и отечественной историографии, поскольку в 1960–1970-е гг. постепенно утверждается новое представление о социально-экономической и политической сущности архаической Греции. Тем не менее в современной российской историографии мы можем найти сторонников как обновленной и усовершенствованной концепции демократической тирании, так и тех исследователей, кто видит в тиранах только частное проявление аристократических конфликтов архаического времени.

Ключевые слова: античная историография, архаическая Греция, полис, раннегреческая тирания, Афины, Писистрат.

Ранняя греческая тирания долгое время не была избалована пристальным интересом отечественного антиковедения. Тем не менее первые исследования, посвященные тирании, появились в российской науке еще в середине XIX века. В рамках данной работы я ставлю целью проследить формирование концепций раннегреческой тирании, господствовавших в отечественной науке, и попытаться выявить закономерности их трансформаций.

Первым исследователем, который написал специальную работу, посвященную раннегреческой тирании, стал один из учеников М.С. Куторги В.В. Бауэр¹. Исследователь полагал, что тирания была результатом политической борьбы между концентрировавшей власть в своих руках аристократией и народом. Сам приход к власти тиранов закономерен, их власть была прогрессивным явлением, поскольку готовила переход греческих полисов к демократии. После ослабления аристократии потребность в тиранах отпала, и власть их была свергнута. Таким образом, тирания позволила ослабить власть аристократии и сформировать условия для дальнейшего перехода власти к демосу.

В дальнейшем теме тирании чаще всего находилось место в обобщающих работах. Установление тирании сводилось исследователями преимущественно к социально-экономическим причинам. По мнению В.В. Латышева, причиной установления тирании стал рост торговли и ремесла в приморских городах. Экономические изменения архаического периода приводят к тому, что выделяется новый класс зажиточных людей, не связанных с традиционной аристократией, которая продолжает обладать монополией на власть. Вызванный ростом торговли расцвет городов облегчает консолидацию недовольного населения. Таким образом, формируется социальная база тиранического режима².

Следствием этой социальной борьбы могли стать письменная фиксация законов, или утверждение тирании. Тираны опираются на широкие массы населения и правят в соответствии с их желаниями за счет ущемления аристократии. Тираны «заботились о процветании торговли и промышленности, предпринимали морские экспедиции, основывали колонии, чтобы содействовать расширению торговых сношений, воздвигали громадные постройки, чем достигали важной для себя двойной цели: зажиточных людей ослабляли посредством налогов и вымогательств, а голодную и досужую народную массу занимали и кормили посредством работы, привлекали к себе и отвлекали ее внимание от государственных

¹ Бауэр 1863.

² Латышев 1997, 57–58.

дел»³. Таким образом, падение тирании связано с недовольством населения, которое тяготилось злоупотреблениями преемников первых тиранов, отдалявшихся от народа⁴.

В.П. Бузескул также полагал, что тирания возникала на почве ненависти к аристократии и опиралась на широкие массы демоса, усиливающегося с развитием ремесла и торговли. Утверждение власти тиранов явилось частым результатом борьбы «аристократической» и «демократической» партий. Тиран выступает в качестве активного правителя, проводящего реформы, направленные на поддержку демоса, укрепление полиса, привлечение ремесленников. В.П. Бузескул оценивает тиранию как важный шаг на пути к демократии, поскольку «власть тирана фактически уравнивала знатных и незнатных»⁵. Следовательно, происходило уравнение в правах всего населения полиса столь важное для греческой демократии. Падение тирании В.П. Бузескул считает следствием пренебрежения интересами демоса, которое было свойственно преемникам первых тиранов. В условиях, когда у власти оказывались не самые выдающиеся представители династии, на первый план выходили негативные черты тирании и жестокость правителей⁶.

Общие положения В.П. Бузескул раскрывает на частных афинских примерах. Анализируя неудачный мятеж Килона, ученый называет причинами его провала то, что «Килон не был защитником и вождем недовольного народа». Килон «опирался на чужеземную помощь – и притом тирана – и, следовательно, в глазах большинства является врагом отечества»⁷. Писистрат, напротив, проявлял особое внимание к демосу, привлекая его на свою сторону: «есть предположение, что за смертью и удалением из Аттики многих знатных Писистрат получил возможность распорядиться землями, которые были им конфискованы, и роздал их мелким землевладельцам»⁸. Сознательная политика, направленная на рост благосостояния населения, становится главной задачей тирана. Своей политикой Писистрат «завершил тут то, что начато было Солоном»⁹.

Говоря о результатах политики Писистрата, В.П. Бузескул повторяет мысль об уравнении населения под его властью. Тирания Писистрата «должна была действовать политическому равенству; знатные должны были подчиняться общим для всех законам и господствовавшей над всеми власти тирана»¹⁰. Падение режима в Афинах было связано с ужесточением политики Гиппия после убийства Гиппарха. В результате усилилась внутренняя оппозиция, которая позволила спартамцам свергнуть власть Писистратидов¹¹.

Ту же точку зрения разделяет М.М. Хвостов, который пишет, что «тиранами именовались лица, которые захватывали власть, ища опоры в низших слоях населения»¹². По мнению исследователя, конец архаической эпохи – это период

³ Латышев 1997 63.

⁴ Латышев 1997 61–64.

⁵ Бузескул 1909, 23–24.

⁶ Бузескул 1909, 24–25.

⁷ Бузескул 1909, 39.

⁸ Бузескул 1909, 72.

⁹ Бузескул 1909, 73.

¹⁰ Бузескул 1909, 74.

¹¹ Бузескул 1909, 78–79.

¹² Хвостов 2007, 164.

классовой борьбы между старой аристократией и возникающей буржуазией, в которой тиран не становится до конца ни на одну из сторон. При этом тираны проводят активную политику для «поднятия промышленности и торговли». Но экономический подъем приводил в конечном счете к падению тирании – торговые слои организовывали народные массы и добивались свержения единоличной власти. Итогом тирании становилось падение аристократического режима и правильная организация государства, «когда создавалась *сознательная* (курсив М.М. Хвостова) социально-экономическая политика и когда, вследствие укрепления государственного начала <...> росла буржуазия»¹³.

В советский период подход к изучению тирании первоначально менялся очень мало. А.И. Тюменев полагал, что тираны опирались на крестьянство. Он трактует их как выходцев из торгово-ремесленных слоев. Поэтому и политика тиранов, в первую очередь, была направлена на поддержку морской торговли и ремесла. Только отдельные мероприятия проводились в интересах крестьян. При этом тирания изживала себя, создавая условия для господства торгово-ремесленных слоев населения¹⁴.

С.Я. Лурье видел социальную базу тиранов в разбогатевших торгово-ремесленных слоях и крестьянстве, попадавшем в долговую зависимость от аристократии. В своих работах он разрабатывает причины установления тирании. В отличие от своих предшественников, С.Я. Лурье объясняет падение власти аристократии не злоупотреблениями, а тем, что аристократы постепенно теряют реальные основания своей власти. Они перестают играть ведущую роль на полях сражений, уступая место гоэлитской фаланге, теряют экономическое преимущество вследствие развития морской торговли¹⁵.

В отличие от А.И. Тюменева С.Я. Лурье доказывает, что тираны выдвигались из среды аристократии главным образом благодаря военным достижениям. Социальную политику тиранов С.Я. Лурье характеризует достаточно противоречиво. С одной стороны, тирания появлялась в торгово-ремесленных поселениях, а не в земледельческих областях. С другой – тираны, по мнению исследователя, действовали, скорее, в интересах мелкого крестьянства¹⁶. С.Я. Лурье отмечает, что в мероприятиях тиранов есть элемент реакционности, консерватизма. Их сознательная политика чаще всего была прокрестьянской. При этом в отдельных приморских торговых городах, например в Коринфе, тираны проводили мероприятия для поддержки ремесла и торговли. Но какими бы ни были мотивы, фактически их деятельность вела к господству торгово-ремесленного населения, поскольку ослабляла традиционную аристократию. Таким образом, по мнению С.Я. Лурье, тирания была демократической диктатурой, которая смогла объединить широкие слои населения и добиться свержения власти аристократии. Падение же ее было вызвано расколом социальной опоры. Интересы крестьян и торгово-ремесленных кругов в конечном счете отличались, а тираны, нередко пытавшиеся законсервировать крестьянский уклад, препятствовали развитию торговли и рабовладения¹⁷.

¹³ Хвостов 2007, 165.

¹⁴ Тюменев 1935, 45–46.

¹⁵ Лурье 1993, 151.

¹⁶ Лурье 1993, 153.

¹⁷ Лурье 1993, 158–159.

Социально-экономическая трактовка тирании продолжала утверждаться в советской историографии и в последующих работах¹⁸ с некоторыми отличиями. Например, В.С. Сергеев акцентирует внимание на демагогическом и популистском характере тиранической власти. С одной стороны, тираны принимают некоторые меры против господства аристократии, в которых заинтересован народ, с другой – стремятся сгладить социальные противоречия в обществе и не допустить передела земли. Вторая важная мысль В.С. Сергеева заключалась в том, что характер и проявления тирании в разных полисах различались. Однако общим итогом тирании В.С. Сергеев полагал слом родового общества и его институтов в Греции, подготовку условий для установления демократии¹⁹.

Однако в эти же годы предлагается иная интерпретация тирании, весьма способствовавшая активизации дискуссий. К.К. Зельин, рассматривавший тему тирании в нескольких своих работах²⁰, отмечает, что тираны вряд ли могут считаться выразителем интересов демоса. По его мнению, например, политическая борьба в Аттике, предшествовавшая тирании, велась среди аристократических родов. Да и сын Писистрата Гиппий, чувствуя неустойчивость своей власти, не просит помощи у демоса, но пытается договориться с представителями знати – Алкмеонидами и Филаидами²¹. В то же время оценка тирана как выразителя интересов торгово-ремесленных кругов кажется К.К. Зельину неверной, поскольку полис архаического времени остается аграрным.

Политика тирана не была направлена на поддержку демоса. К.К. Зельин акцентирует внимание на антидемократических мероприятиях Писистрата в Афинах: изъятии оружия у населения, отказе от расширения политических прав демоса²². Однако, при всех этих оговорках, К.К. Зельин не отказывает тирании и демосу в связи вообще. Он полагает, что тиран стремился не раздражать население, получая за умеренность политики лояльность народа. Тем не менее картина социальной борьбы, которая предшествовала тирании, получилась у К.К. Зельина гораздо более сложной и многогранной, учитывающей и социальное происхождение тиранов, и тесные связи тиранов с аристократией, и сложность социальной структуры Аттики. На наш взгляд, именно с его работ начинается уход от встраивания тирании в схематичную картину архаической эпохи в пользу более многогранных интерпретаций.

Возврат к концепции тирании как личной власти, характерной для классической немецкой историографии, декларировал в серии своих работ Э.Д. Фролов²³. Для него тирания – результат стасиса, борьбы между аристократией и демосом в архаической Греции. При этом тирания была «скорее, побочным явлением, порожденным смуту, и носила по преимуществу деструктивный характер»²⁴. Для установления своей власти тираны прибегают к поддержке демоса. Для демоса авторитет тирана, демагога – это единственная возможность провести реформы,

¹⁸ Колобова, Глушкина 1958, 70–72; Соловьева 1964; Кобылина 1965, 31; Новикова 1965, 112–126; Пиленкова 1975, 3–25; Яйленко 1983, 180–184.

¹⁹ Сергеев 1963, 144–146.

²⁰ Зельин 1962, 21–29; Зельин 1964.

²¹ Зельин 1964, 150–151.

²² Зельин 1964, 185–186.

²³ Фролов 2004а; Фролов 2004б.

²⁴ Фролов 2004б, 164.

которых бесполезно ждать от родовой аристократии. И отдельные мероприятия, выгодные демосу, проводились, но только для поддержания режима. Какой-то сознательной политики в пользу народа тираны не проводили. Главным значением тирании было невольное содействие утверждению демократии, для которой тираны расчищают путь, уничтожая власть аристократов²⁵. Таким образом, для Э.Д. Фролова тирания – это «воплощение крайнего индивидуализма, стимулированного разложением старого, патриархального и бурным ростом нового, предпринимательского общества»²⁶.

Идеи Э.Д. Фролова восприняли и другие ученые. Они отражены, например, в работах В.М. Строгецкого, который показывает недемократическую природу тирании в отражении Фукидида²⁷. М.Ю. Лаптева исследовала ионийскую тиранию и доказывала отсутствие во внутренней и внешней политики тиранов мер, проводимых в пользу демоса²⁸.

Несколько иную картину мы находим у С.М. Жестоканова. В его работах тирания также является результатом социальной борьбы аристократии и демоса, однако установление единоличной власти связывается с уровнем развития политического сознания греков архаического времени. Им были знакомы в качестве политических режимов только монархия и аристократия. При этом первая оценивалась позитивно, как режим героического правления, а вторая скомпрометировала себя в ходе политической борьбы архаической эпохи. С.М. Жестоканов полагает, что социальная опора тиранического режима могла различаться в зависимости от полиса. Общей же чертой установления всех тираний были социально-политическая борьба в полисе и наличие аристократов, претендующих на власть. С.М. Жестоканов доказывает, что тираны проводят активную политику, стремясь обеспечить интересы демоса аграрными мерами и способствовать развитию ремесла и торговли колонизацией и строительством. Делалось это, впрочем, для укрепления личной власти тиранов. Падение тиранических режимов связано с деспотизмом, злоупотреблением и разрушением иллюзий демоса о «добром правителе»²⁹.

Идея отсутствия прогрессивной политики у тиранов очень серьезно разрабатывается в работах И.А. Макарова. Он полагает, что демос в политической борьбе архаического времени оставался пассивен, а непосредственной социальной базой тирана становятся члены его аристократической гетерии. И.А. Макаров акцентирует внимание на стремлении тиранов к личной власти и пересматривает традицию об их конструктивной деятельности в полисе. Строительная политика сводилась только к проектам, которые могли поднять личный авторитет тирана или авторитет его рода. В идеологии же тиранов первостепенную роль играют традиционные аристократические добродетели – личная доблесть, полководческие таланты³⁰.

Оригинальную интерпретацию раннегреческой тирании предлагает в своей работе Х. Туманс. Однако его концепция является своеобразным возвратом к идее

²⁵ Фролов 2004б, 163–167.

²⁶ Фролов 2004а, 128–129.

²⁷ Строгецкий 2015, 44.

²⁸ Лаптева 2009, 352–357.

²⁹ Жестоканов 2010, 33–37, 44–47.

³⁰ Макаров 1995, 117–131; Макаров 1997, 25–42.

демократической тирании. Тиран, облеченный особым благословением богов, получает власть с согласия народа. Механизмами легитимации власти становятся военная слава, знатность происхождения и религиозные санкции в виде знамений, олимпийских побед. При этом решающее значение для захвата власти имеет успешность идеологической подготовки. Причину провала мятежа Килона в Афинах Х. Туманс видит в отсутствии поддержки народа³¹. Писистрат, в отличие от Килона, получает высшую власть с санкции народного собрания, признается населением правителем, несмотря на сопротивление аристократии³². Политика Писистрата направлена на легитимацию власти: это поддержка религиозных культов, военные предприятия, социальные меры, направленные на поддержку крестьянства, составлявшего основную социальную базу власти тирана. Падение тирании Писистратидов Х. Туманс связывает с ужесточением власти Гиппия после провала заговора Гармодия и Аристоклитона³³.

Близкую интерпретацию тирании предлагает И.Е. Суриков. Он полагает, что тирания является результатом стасиса – внутреннего конфликта в греческих полисах, возникшего в результате земельного голода и конфликтов аристократических группировок³⁴. Главным источником легитимации власти тирана становится личная харизма, обычно иссякающая при сыновьях или внуках основателя династии. Это объясняется тем, что, по мнению И.Е. Сурикова, «деятельность тиранов противоречила процессам формирования полиса»³⁵. Социальную природу тирании И.Е. Суриков видит в аристократии. При этом тиранами становились часто представители «ущемленных слоев» аристократии. В качестве примера исследователь приводит коринфского тирана Кипсела, который по материнской линии происходил из рода Бакхиадов, однако не мог претендовать на власть из-за низкого происхождения отца. Интересно, что, с одной стороны, И.Е. Суриков отвергает точки зрения о том, что социальной базой тирании был демос. С другой стороны, заключает, что нельзя говорить, будто «демос не получал от правления тиранов никаких преимуществ»³⁶.

По мнению исследователя, для установление единоличной власти требовалась санкция или «молчаливое согласие» народного собрания³⁷. А во внутренней политике тираны «прекращали – хотя бы на время своего правления – многолетний стасис <...> вели активную внешнюю и колониционную политику <...> украшали города монументальными постройками <...> и в целом проводили целенаправленную политику в культурной сфере, что стало возможным в связи с концентрацией государственных финансовых средств под контролем одного лица»³⁸. И.Е. Суриков полагает, что субъективные устремления тирана находились в сфере его личных интересов, а харизма подпитывалась воспроизводством эпических моделей. Интересам демоса соответствовала антиаристократическая борьба тирана, истреблявшего своих потенциальных конкурентов.

³¹ Туманс 2002, 190–191.

³² Туманс 2002, 306–315.

³³ Туманс 2002, 359–360.

³⁴ Суриков 2005, 155.

³⁵ Суриков 2005, 157.

³⁶ Суриков 2005, 159.

³⁷ Суриков 2005, 160–161.

³⁸ Суриков 2005, 164.

И.Е. Суриков склонен критиковать однозначно негативную оценку тиранической власти. Ведь под властью тиранов некоторые полисы добились процветания и внешнеполитических успехов. Кроме того, передовые полисы прошли стадию тирании, в то время как полисы, которые ее не знали, стагнировали³⁹.

Таким образом, в дореволюционной историографии основной концепцией становится идея демократической тирании. Тираны представляются ставленниками демоса, проводящими сознательную политику в интересах своей социальной базы. Некоторые отличия между исследователями есть. Зависят они от оценки экономического развития Греции перед тиранией. В одном случае тираны считаются ставленниками крестьянства, в другом – торгово-ремесленных слоев.

Интересно, что эта теория продолжает успешно существовать в советской историографии. Главным отличием становится то, что причины падения тирании дореволюционные исследователи видели преимущественно в ужесточении режима. Советские же ученые акцентировали внимание на том, что тирания выполнила свою историческую задачу ослабления аристократии и была уничтожена торгово-ремесленными слоями.

Примерно в 1960-е годы происходит становление новой концепции раннегреческой тирании. Начиная с К.К. Зельина, исследователи пересматривают социальную базу тирании, отмечая, правда, что политика тиранов не раздражала население. Она интерпретируется как преследование личных или групповых аристократических интересов.

В настоящее время этот подход может считаться в исследовании тирании основным. Впрочем, и социально-экономические истоки тирании из ее интерпретаций не исчезают полностью. Но их действие понимается далеко не так прямо, как раньше. Теперь экономические процессы архаики рассматриваются как фактор, создающий подходящие условия для стасиса, часто предшествующего тирании.

Получившаяся картина историографии частного вопроса – раннегреческой тирании – вполне укладывается в общую картину эволюции отечественной историографии античности. По крайней мере, 1960–1970-е годы отмечаются в историографических исследованиях как период отхода от сформированного ранее образа древности и поиска новых оригинальных концепций в частных вопросах⁴⁰. Как кажется, этот переход, вызывавший сопротивление ортодоксальных исследователей, нам удалось уловить в рамках избранной тематики.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. тематика тирании актуализируется и появляются новые попытки сформулировать оригинальные подходы к интерпретации тирании. Однако в конечном итоге эти подходы выглядят довольно похожими на уже существующие концепции. Например, интерпретация тирании Х. Туманса выглядит весьма схожей с концепцией демократической тирании В.П. Бузескула. Но современный исследователь добавляет ясности идеологическим механизмам, с помощью которых тиран привлекал население на свою сторону.

ЛИТЕРАТУРА

Бауэр, В.В. 1863: *Эпоха древней тирании в Греции*. СПб.

³⁹ Суриков 2005, 165–169.

⁴⁰ Крих 2013, 309.

- Бузескул, В.П. 1909: *История Афинской демократии*. СПб.
- Жестокоанов, С.М. 2010: Ранняя тирания и становление демократии в древней Греции. В кн.: Э.Д. Фролов (ред.) *Проблемы античной демократии*. СПб, 25–50.
- Зельин, К.К. 1962: Олимпионики и тираны. *ВДИ* 4, 21–29.
- Зельин, К.К. 1964: *Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э.* М.
- Кобылина, М.М. 1965: *Милет*. М.
- Колобова, К.М., Глускина, Л.М. 1958: *Очерки истории Древней Греции*. Л.
- Крих, С.Б. 2013: *Образ древности в советской историографии*. М.
- Лаптева, М.Ю. 2009: *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Латышев, В.В. 1997: *Очерк греческих древностей*. Ч. 1. *Государственные и военные древности*. СПб.
- Лурье, С.Я. 1993: *История Греции*. СПб.
- Макаров, И.А. 1995: Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII–VI вв. до н.э. *ВДИ* 4, 117–131.
- Макаров, И.А. 1997: Идеологические аспекты раннегреческой тирании. *ВДИ* 2, 25–42.
- Новикова, Т.Ф. 1965: Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке. *ВДИ* 4, 112–126.
- Пиленкова, Т.Ф. 1975: Раннегреческая тирания на Самосе. В кн.: Я.В. Зайцев (ред.), *Проблемы социально-политической истории античности и средневековья*. Вып. 1. Уфа, 3–25.
- Сергеев, В.С. 1963: *История Древней Греции*. М.
- Соловьева, С.С. 1964: *Раннегреческая тирания*. М.
- Строгеецкий, В.М. 2015: Фукидид о возникновении тирании в Древней Греции, об особенностях афинской тирании Писистратидов и заговоре Гармония и Аристоклитона. В кн.: Э.Д. Фролов (ред.), *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 15. СПб, 34–48.
- Суриков, И.Е. 2005: *Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.
- Туманс, Х. 2002: *Рождение Афины: Афинский путь к демократии: От Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.)*. СПб.
- Тюменев, А.Н. 1935: *История античных рабовладельческих обществ*. М.
- Фролов, Э.Д. 2004а: *Парадоксы истории – парадоксы античности*. СПб.
- Фролов, Э.Д. 2004б: *Рождение греческого полиса*. СПб.
- Хвостов, М.М. 2007: *История Греции*. М.
- Яйленко, В.П. 1983: Архаическая Греция. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция: проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса*. М., 128–193.

REFERENCES

- Bauer, V.V. 1863: *Эпоха древней тирании в Греции [The Age of Ancient Tyranny in Greece]*. Saint Petersburg.
- Buzeskul, V.P. 1909: *Istoriya Afinskoj demokratii [History of Athenian Democracy]*. Saint Petersburg.
- Zhestokanov, S.M. 2010: Rannyya tiraniya i stanovlenie demokratii v drevney Gretsii [Early Tyranny and the Formation of Democracy in Ancient Greece]. In E.D. Frolov (ed.), *Problemy antichnoy demokratii [Problems of ancient democracy]*. Saint Petersburg, 25–50.
- Zel'in, K.K. 1962: Olimpioniki i tirany [Olympic Champions and Tyrants]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 21–29.
- Zel'in, K.K. 1964: *Bor'ba politicheskikh gruppirovok v Attike v VI v. do n.e. [The Struggle of Political Factions in Attica in the 6th century BC]*. Moscow.
- Kobylyina, M.M. *Milet [Miletus]*. Moscow.

- Kolobova, K.M., Gluskina L.M. 1958: *Ocherki istorii Drevney Gretsii* [Essays on the History of Ancient Greece]. Leningrad.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
- Lapteva, M.Yu. 2009: *U istokov drevnegrecheskoj tsivilizatsii: Ioniya v XI–VI vv. do n.e.* [At sources of an Ancient Greek civilization: Ionia in 11th–6th centuries BC]. Saint Petersburg.
- Latyshev, V.V. 1997: *Ocherk grecheskikh drevnostey. Chast' 1. Gosudarstvennye i voennye drevnosti* [An Essay on Greek Antiquities. Part 1. State and Military Antiquities]. Saint Petersburg.
- Lur'e, S.Ya. 1993: *Istoriya Gretsii* [The History of Greece]. Saint Petersburg.
- Makarov, I.A. 1995: Tiraniya I Del'fy v ramkakh politicheskoy istorii Gretsii vtoroy poloviny VII–VI vv. do n.e. [Tyranny and Delphi within the Framework of the Political History of Greece of the Second Half of the 7th–6th c. B.C.] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 117–131.
- Makarov, I.A. 1997: Ideogicheskie aspekty rannegrecheskoj tiranii [The Ideological Aspects of Early Greek Tyranny]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 25–42.
- Novikova, T.F. 1965: Rannegrecheskaya tiraniya na Korinfskom peresheyke [Early Greek Tyranny on the Isthmus of Corinth]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 112–126.
- Pilenkova, T.F. 1975: Rannegrecheskaya tiraniya na Samose [Early Greek tyranny in Samos]. In.: Ya.V. Zaytsev (ed.), *Problemy sotsialno-politicheskoy istorii antichnosti i srednevekov'ya* [Problems of the Social and Political History of Antiquity and the Middle Ages]. Vol. 1. Ufa, 3–25.
- Sergeev, V.S. 1963: *Istoriya Drevney Gretsii* [The History of Ancient Greece]. Moscow.
- Solov'yeva, S.S. 1964: *Rannegrecheskaya tiraniya* [Early Greek tyranny]. Moscow.
- Strogetskiy, V.M. 2015: Fukidid o vozniknovenii tiranii v Drevney Gretsii, ob osobennostyakh afinskoj tiranii Pisistratidov i zagovore Garmodiya i Aristogitona [Thucydides about Rising of Tyranny in Ancient Greece, Character of the Peisistratid Tyranny at Athens and the Plot of Harmodius and Aristogeiton]. In E.D. Frolov (ed.), *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigation and Publication on the History of Ancient World]. Vol. 15. Saint Petersburg, 34–48.
- Surikov, I.E. 2005: *Antichnaya Gretsija. Politiki v kontekste epokhi. Arkhaika i rannyya klassika* [Ancient Greece. Politicians in the Context of the Epoch. Archaic and Early Classical Periods]. Moscow.
- Tumans, Kh. 2002: Rozhdenie Afiny: Afinskiy put' k demokratii ot Gomera do Perikla (VIII – V vv. do n.e.) [The birth of Athens: The Athenian Way to democracy: from Homer to Pericles (8th–5th centuries BC)]. Saint Petersburg.
- Tyumenev, A.N. 1935: *Istoriya antichnykh rabovladel'cheskikh obshhestv* [The History of ancient slave societies]. Moscow.
- Frolov, E.D. 2004a: *Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti* [Paradoxes of History - Paradoxes of Antiquity]. Saint Petersburg.
- Frolov, E.D. 2004b: *Rozhdenie grecheskogo polisa* [The birth of the Greek polis]. Saint Petersburg.
- Khvostov, M.M. 2007: *Istoriya Gretsii* [The History of Greece]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 1983: Arkhaicheskaya Gretsija [Archaic Greece]. In E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsija: problemy razvitiya polisa*. T. 1. Stanovlenie i razvitie polisa [Ancient Greece: Problems of the Development of the Polis. Vol. 1. Formation and Development of the Polis]. Moscow, 128–193.

THE SOCIAL BASIS AND POLITICS OF EARLY GREEK TYRANTS IN
RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Dmitriy V. Zaytsev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russia*

E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of concepts' changing of early Greek tyranny in the Russian historiography. On the basis of the analysis of the 19th and 20th centuries works, the author comes to the following conclusions. First conception of early Greek tyranny was formed in the works of 19th century scientists and kept its scientific relevance till the middle of the 20th century. Within the framework of this concept the tyranny was characterized as a stage of formation of Greek democracy. As a result of struggle for political power between nobility and demos a tyrant, supported by masses, becomes head of polis. This tyrant carries out a series of measures aimed at the development of crafts, trade and support of the small peasantry. The fall of the tyranny was assessed in different ways. In pre-revolutionary historiography the overthrow of tyrants was explained by their personal qualities. In Soviet studies, however, became firmly established the viewpoint that the demos did not need tyrants after the aristocracy had been weakened. In the 1960s, an alternative conception began to take shape. In this concept, tyranny is seen as a result of a struggle between aristocratic groups. The policy of the tyrant is interpreted as a set of measures aimed at legitimizing personal power. Tyranny does not reflect the interests of the demos, but has to reckon with them. This transition is connected with changes in world and domestic historiography, since in the 1960s-1970s a new conception of the socio-economic and political essence of archaic Greece was gradually established. Nevertheless, in modern Russian historiography we can find supporters of both the updated and improved concept of democratic tyranny and those researchers who see tyrants as only a particular manifestation of aristocratic conflicts of archaic times.

Keywords: Historiography, Archaic Greece, polis, Early Greek tyranny, Athens, Peisistratus.
